

Ксения Перова

МЫ – ЭТО МЫ

RUGRAM

Москва

2023

УДК 82-312.9
ББК 84-4(2Рос=Рус)
П27

Перова К.

П27 Мы — это мы / К. Перова: RUGRAM_Publishing,
2023. — 230 с.

ISBN 978-5-517-10274-4

Если в лесу рядом с твоей деревней живет палач, тебя не погладят по головке за дружбу с его сыном.

Но что делать, если эта дружба неожиданно становится самым важным событием в жизни и, быть может, твоей судьбой?

Что важнее — следовать своим путем или жить спокойно и безопасно? Стоит ли риск одного приключения тысячи дней благополучия и комфорта?

Дирхелю Магуэно предстоит выбрать между дружбой с Эдвардом Райни и всей прошлой жизнью, включая свою семью.

И выбор этот будет не из легких.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-10274-4

© Ксения Перова, текст, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

*Памяти писателя Юлии Соль и Рина,
коменданта Холодной Башни, посвящается*

У вас есть лишь ваша жизнь, сказал он.
Немного, но зато взаправду.
Возьмите же ее и употребите, как должно.
Есть один Путь, одна Истина, одна Жизнь.
Остальное — сон.

А. С. Байетт, «Дева в саду»

1

Призрак полыхал в ночи.

Круглые, незрячие глазницы и рот, полный тонких острых зубов, источали оранжевое сияние. Ветер трепал черные лохмотья, под которыми не было ни плоти, ни костей. Призрак застыл посреди двора в зловещей неподвижности, но по правде, сделай он хоть одно движение — и Джо Аганн завопил бы на весь дом дурным голосом.

Сейчас он не орал просто потому, что горло свело от страха. Разбуженный посреди ночи резким, непонятным звуком, решил выпить воды и проверить скотину — корова должна была отелиться со дня на день. Но одного взгляда в окно оказалось достаточно, чтобы понять — он не выйдет за порог даже под страхом немедленной смерти.

В голове билась одна-единственная мысль: «Значит, все-таки Прислужники Темного Лица существуют!» Именно так они и выглядели, мрачные спутники не менее пугающего божества, когда являлись по чью-то душу, и их появление означало только одно — несчастье не за горами!

Ветер снова взметнул черные лохмотья, жуткая светящаяся голова как будто бы наклонилась... и внезапно ночь прорезала трель флейты. Дикая, пронзительная, она игой

вошла в мозг Джо. В ту же секунду он метнулся в переднюю, пинком распахнул дверь и проревел:

— Хэл, паршивый щенок! Ну я тебе задам!

Флейта смолкла, а призрак повел себя очень странно — не бросился в атаку и не развеялся, как положено порядочным призракам. Вместо этого покачнулся и упал ничком. Раздался слабый хруст, оранжевый огонь погас.

А через двор метнулась проворная тень, на ходу выпрямляясь и обретая человеческий облик.

Джо, потрясая кулаками, погнался за ней, да куда там. Тень одним махом преодолела невысокий забор и скрылась в кустах. Заливистый смех, топот ног — и все стихло.

Джо, ругаясь на чем свет стоит, вернулся во двор. Весь мокрый от пота, с дрожащими руками, он яростно пнул подвернувшегося под ноги «призрака» и поспешил в дом, окна которого уже вспыхнули мягким желтым светом.

Тени, и впрямь смахивающие на Прислужников Темного, улепетывали со всех ног, петляя между домами. Оставались только на противоположном конце деревни, у дома кузнеца. Сразу за ним поросший травой пологий склон холма переходил в поле, а дальше чернел лес, непроницаемый для лунного света.

Сильный ветер гнал по небу облака, но летняя ночь была теплой, к тому же беглецы неплохо разогрелись. Сдерживаемый смех все еще разрывал их, и они попадали на траву в тщетной попытке его унять.

— Ты видел, нет, ты видел его лицо?!

— Он в штаны навалил, Всемогушим клянусь!

— Рыбий череп — вещь!

— Хэл, это просто отвал башки, ты лучший!

Самая высокая тень выпрямилась, свет луны упал на улыбающееся лицо мальчика лет тринадцати. Темно-русые,

слегка вьющиеся волосы растрепались, глаза горели диким весельем. Очень крупный для своего возраста, он обещал вырасти в могучего мужчину.

— Да, ничего себе получилось, — небрежно произнес он и собрал волосы в хвост, — только с флейтой переборщил. Хотел нагнать еще больше страху, а он сразу догадался.

— А чем он докажет, что это именно ты? — загомонили мальчишки.

Хэл усмехнулся и сыграл на коротенькой деревянной флейте нехитрый мотив.

— Давайте смотреть правде в глаза — я забываем!

Мальчики обступили его, на всех лицах светился восторг, граничащий с обожанием. Казалось, они готовы подхватить своего предводителя и нести на руках, точно полководца, одержавшего блестящую победу.

Хэл покрутил флейту в пальцах, сунул за пазуху и скомандовал:

— Ладно, братишки, по домам. Завтра на прежнем месте.

Угловатые фигуры одна за другой растворились в темноте. Оставшись один, Хэл какое-то время стоял, глубоко дыша и вслушиваясь в ночь. Вспоминал, как Аганн выскочил из дома чуть ли не чем мать родила, и злая улыбка играла у него на губах.

Наконец он встряхнулся, вздохнул и, осторожно оглядываясь, пересек пустынную улицу. Нырнул в узкую щель между подворьями и через несколько минут уже стоял возле своего дома. Крошечный, немного скособоченный, он стараниями матери смотрелся более-менее неплохо.

Хэл пробрался через задний двор и аккуратно, чтобы не помять цветы, бесшумно кивающие ему спящими головками, распахнул окно. Забрался внутрь, тихонько прикрыл

за собой раму. Наступила тишина, и до конца ночи ничто не нарушало покой деревни.

Проснулся Хэл оттого, что кто-то трясет его за плечо. И в тот же миг за стеной зазвенел знакомый высокий голос, от которого сон слетел окончательно:

— Этому надо положить конец, слышите?! Или мальчишка окончательно скатится под откос, отправится напрямик к Темному Лику!

«Вот дрянь, Майло!»

Хэл мигом вскочил с кровати, и человек, который его будил, слегка отпрянул и выпрямился. Он был высок и строен, а потолки в домике — низкие, так что ему почти все время приходилось слегка пригибаться. Хэл коснулся его плеча и виновато прошептал:

— Отец, спасибо!

Пол Магуэно мягко улыбнулся и взглядом указал на окно. Хэл ухватился за подоконник, но тут дверь, распахнувшись от пинка, ударилась о стену. На пороге, опираясь на костыль, стоял Майло, старший брат Хэла, с хворостиной в руке. За его спиной маячила миниатюрная фигурка матери; она хватала сына за рукав, но опасалась потянуть слишком сильно и нарушить равновесие Майло.

— Ах ты погань!

Хэл успел только порадоваться, что Клод и Себастьян ушли в поле — по крайней мере, не увидят его позор.

Он попытался отскочить в сторону, но Майло, несмотря на то, что левая рука у него почти не действовала, ухитрился вытянуть его хворостиной. Хэл зашипел от боли, а удары продолжали сыпаться на него один за другим.

— Сколько... раз... повторять! — цедил Майло, тяжело дыша. На его худом, болезненно-желтом лице выделялись

острые скулы и лазоревые глаза с темными подкружьями. — Прекрати свои выходки... мелкий говнюк!

Пол протянул к нему руку, пытаясь прекратить избиение.

— Май, прошу тебя...

— Что «Май»? Что «Май»?! — Майло развернулся к отцу — так воин на поле боя, отвернувшись от поверженного врага, в ярости набрасывается на следующего. Хилое тело его тряслось от злости, плечи выпирали из-под рубахи, как яичные скорлупки. — Что ты можешь? Да ничего! Вы с матерью потакаете этим придуркам, а они вот что творят! Сам знаешь, что для нас значит Аганн! Что ты за отец, если не можешь детей держать в узде?!

Уголки губ Пола слегка опустились, но даже это не изменило присущее его облику выражение доброты и мягкости. Серо-зеленые глаза смотрели на удивление спокойно, черные волосы на висках удерживались двумя тонкими косичками, а на затылке были собраны в хвост.

Майло продолжал бушевать:

— Старейшины нам все выскажут как пить дать! Прошлой зимой мы бы все передохли, если бы Аганн не помог, а что теперь будет? Ты подумал об этом, жалкий пакостник?!

Последняя фраза была адресована Хэлу и сопровождалась еще одним ударом, быстрым и безжалостным. Хэл поспешно проскользнул мимо растерянных родителей и выскочил в коридор. В домике было всего три комнаты и крошечная кухня, казалось невероятным, что когда-то здесь теснились девять человек. Две старших сестры Хэла уже вышли замуж, третья уехала в город и там работала в лавке.

Заглянув на кухню, Хэл схватил первое, что увидел — подсохший кусок хлеба, — и вылетел во двор. Следы от ударов горели, точно укусы сотен насекомых, но он не слишком переживал по этому поводу. Воспоминание о перекошенном лице Аганна помогло бы вытерпеть и более суровое наказание.

Гораздо большую боль — как всегда — причиняло то, что родители не вмешались, не остановили Майло. Собственно, они вообще ничего не делали, чтобы укротить злобный нрав старшего сына, и Хэл уже не мог вспомнить, как давно это продолжается. В какой момент Майло вдруг отодвинул родителей в сторону и стал верховодить в доме? После ухода сестер или раньше?

Раньше, уверенно подумал Хэл, пробираясь по кустам и задворкам. Солнце поднялось уже высоко, в деревне кипела жизнь — не хотелось бы попасться на глаза языкастым женщинам. Ему хватило унижения от побоев Майло.

Родители всегда питали к нему непонятную слабость. Да, старший сын и тяжело болен, но живется ему очень даже неплохо. Работой его никто не неволит, шляется целыми днями по деревне, собирает сплетни и всех стремится вывести на чистую воду. Будь он здоровым, мужики и парни давным-давно как следует отделаали бы его за такое поведение, но калеку, конечно, никто не тронет. Майло терпели, но не любили.

Лет в десять у него начала сохнуть левая нога, а потом странная болезнь перекинулась на левую руку, и все тело как-то съежилось, перекосилось. Майло и прежде не отличался сговорчивым нравом, но болезнь озлобила его до крайности. Эта злость и постоянная готовность вступить в драку, не щадя себя, надежно защищали его от насмешек деревенской ребятни.

Сейчас Майло уже исполнилось двадцать пять, и никто не заметил, как за прошедшие годы снисходительность родителей к его выходкам перешла во что-то другое. Увечный юноша как будто подавлял всех в семье своим диким, необузданным нравом, силой духа и чудовищной яростью. Все одинаково робели перед ним — и родители, и братья, а с отъездом последней из сестер стало только хуже.